

RU

Эстетика поэтики лирических и лиро-эпических произведений Бетала Куашева

Хавжокова Л. Б., Бейтуганова Ф. С.

Аннотация. Цель исследования - выявить особенности поэтики лирических и лиро-эпических произведений кабардинского поэта Бетала Куашева. Специфика художественной организации его стихов и поэм до настоящего времени не стала предметом отдельного изучения, чем инициировано обращение к обозначенной проблеме. Данным фактом определена научная новизна представленной статьи. В ней впервые предпринимается попытка комплексного исследования поэтического языка и идиостиля указанного автора. В результате исследования выявлены художественно-образительные средства и структурно-композиционные и стилистические приемы, свойственные произведениям Б. Куашева.

EN

Aesthetics of Poetics of Betal Kuashev's Lyrical and Lyro-Epical Works

Khavzhokova L. B., Beytuganova F. S.

Abstract. The research objective is as follows: to identify specificity of poetics of lyrical and lyro-epical works of the Kabardian poet Betal Kuashev. Scientific originality of the paper is conditioned by the fact that Kuashev's poems and verses have not been previously subjected to literary and critical analysis. For the first time in Kabardian literary criticism, the researcher analyzes Kuashev's poetical language and individual style. The research findings are as follows: the author identifies artistic-figurative means, structural-compositional and stylistic techniques typical for Kuashev's poetry.

Введение

Актуальность исследования обусловлена необходимостью восстановления страниц истории адыгской (кабардино-черкесской) литературы, в частности восполнения пробела в изучении поэтического наследия Б. Куашева с акцентированием внимания на художественном мастерстве и индивидуально-авторском стиле поэта.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач: изучить язык произведений Б. Куашева; выявить средства и приемы, сформировавшие идиостиль поэта; определить специфику инверсионного синтаксиса как основного маркера этно- и лингвопоэтики стихов и поэм; исследовать метрико-рифмовочный комплекс.

В статье используется ряд научных методов, в том числе анализ, описание, сравнительно-исторический и герменевтический методы.

Теоретическая база исследования включает труды северокавказских литературоведов, в которых в той или иной степени затрагиваются проблемы, релевантные для нашего исследования, в частности: очерки и статьи З. М. Налоева (Налоев, 1958; Налоев, 1968), Х. Г. Кармокова (Кармоков, 1996), Л. Б. Хавжоковой и Ф. С. Бейтугановой (Хавжокова, Бейтуганова, 2020) о жизни и творчестве Б. Куашева, а также различные источники теоретического материала, сборники стихов и поэм (Куашев, 1996), собрание сочинений поэта в двух томах (Куашев, 1958; Куашев, 1966).

Практическая значимость исследования заключается в том, что полученные результаты могут найти применение при изучении истории адыгской (адыгейской, кабардинской, черкесской, черкесского зарубежья) литературы, в частности творческого наследия Б. Куашева, а также при проведении исследований в области национальной филологии, написании квалификационных и другого рода исследовательских работ.

Основная часть

В статье заявлено изучение эстетики поэтики лирических и лиро-эпических произведений Б. Куашева. Учитывая полисемантическую природу термина «эстетика», следует отметить, что в контексте настоящего

исследования он употребляется с семантикой, интегрирующей в себе его второе и третье значения, другими словами, как «система чьих-либо взглядов на искусство или на какой-либо его вид» (Эстетика, 2021), т.е. как проекция таланта Б. Куашева на организацию поэтического произведения и как «красота, художественность» (Эстетика, 2021) его поэтического слога.

Как верно замечено З. М. Налоевым, «постоянные поиски, как в области идейно-тематической, так и в области поэтики, стали главным в творчестве Б. Куашева» (Налоев, 1968, с. 262). Отчетливее всего мастерство поэта проявилось во второй из указанных областей. Он ввел в национальную поэзию новаторские средства и приемы, которые впоследствии были успешно реализованы поэтами последующих поколений. В его стихах и поэмах прослеживаются отпечатки оригинального этноспецифичного образного мышления, выраженного богатым поэтическим языком.

В поэзии Б. Куашева произошло разрушение традиций адыгского фольклора, транслированных в профессиональную литературу через творчество поэтов старшего поколения – Б. Пачева, А. Шогенцукова, А. Кешокова и др. Чаще всего это выражалось в опредмечивании абстрактных понятий, употреблении алогичных сравнений, чрезмерно частом использовании инверсионных оборотов и т.д. Так, например, в стихотворении «Волга» («Индыл», 1948) обнаруживаются все перечисленные и другие, не менее интересные новаторские явления. В первой строфе поэт пишет:

*«Шхьэм къитлэсуэ цытыгъакъым
Нобэ флэкI, Индыл,
Уи инагъыр, си гугъакъым
Ухъуэ псым я пыл!»* (Куашев, 1958, с. 66). /
В голове не укладывалось
До сегодняшнего дня, Волга,
Твое величие, не думал,
Что ты – слон всех рек (здесь и далее перевод подстрочный. – Ф. Б.).

В последней из приведенных строк содержится сравнение Волги со слоном. Здесь же имплицировано и другое, непосредственно коррелирующее с ним сравнение – масштабы Волги, приравненные автором к габаритам слона, установлены по отношению к другим рекам, т.е. Волга, по сравнению с другими реками, есть «слон». Возможно, при создании данного тропа поэт имплицированно провел аналогию с аллегорией из известной басни И. А. Крылова «Слон и Моська»: в образе слона – Волга, в образе Моськи – все другие реки мира, включая Нил, Ганг, Тигр, Евфрат и т.д.

В этом же стихе встречаются и другие необычные гиперболизированные сравнения. Реке Ганг, например, дается следующая характеристика:

*«Лэццыгъуицэхэр зи тхыдэ,
Лъы нэпсхэм я шланг,
Индус нэццхэр зыгъэшхыдэ,
Псы жагъуэц ин Ганг»* (Куашев, 1958, с. 66). /
[Река] с многовековой историей,
Шланг кровавых слез,
Заставляющий индусов гневаться,
Ненавистен огромный Ганг.

Следует признать не совсем поэтично звучащую и алогичную природу сравнений типа «ты – слон всех рек», «шланг кровавых слез», которыми изобилуют произведения Б. Куашева.

В поэме «Два Джона» («ДжонитI», 1948) темнокожий персонаж по имени Джон характеризуется как «Джон-вындыжь», «негр фэ “вындыжь”» «Джон-вынд» (Куашев, 1958, с. 332, 334, 335, 360) – букв. «Джон-грач», «негр цвета “грача”», «Джон-ворон» (в переносном значении – «Джон-черный»). Одновременно автор подчеркивает, что характер и образ жизни Джона идут вразрез с цветом его кожи:

*«Жинкъым Джон, и цыфэр жэцци,
И дзэу и гур хужыц,
Хабзэ фыццIэм пэмыльэцци,
Ар сэлэт лыхъужыц»* (Куашев, 1958, с. 349). /
Джон – не злой джинн, несмотря на кожу [цвета] ночи,
Словно его зубы, белоснежно его сердце,
Пусть и не в силах противостоять черным законам,
[Но] он – отважный солдат.

И здесь, как и во всем творчестве поэта, наблюдается большое разнообразие художественно-изобразительных средств: «кожа-ночь / кожа [цвета] ночи», «белоснежное, словно зубы, сердце», «черные законы» и т.п.

Одна из отличительных особенностей поэтического языка и, следовательно, идиостиля Б. Куашева заключается в удачном использовании инверсионных оборотов. Известно, что «во многих языках с жестко фиксированным расположением слов инверсия – это лексическая ошибка» (<https://zen.yandex.ru/media/liteditor59/sekrety-i-zagadki-sintaksisa-chto-takoe-inversii-60897909d66dff63dbed3a08>). В кабардино-черкесском языке порядок слов в предложении фиксированный и, как правило, выстраивается по схеме «подлежащее →

дополнение → обстоятельство → сказуемое». Однако в рассматриваемом поэтическом творчестве инверсия не только не искажает смысл текста и не нарушает ритмику, но и обеспечивает его благозвучие и верное (в соответствии с задумкой автора) интонационное воспроизведение. Более того, критик и литературовед Х. Г. Кармоков подчеркнул, что «инверсия обогащает язык и расширяет диапазон его возможностей, открывает новые перспективы развития, становится более экспрессивным – наглядным примером является поэзия Б. Куашева» (Кармоков, 1996, с. 291).

В кабардино-черкесском языке определительное слово, выраженное качественным прилагательным, располагается после определяемого слова. В поэзии Б. Куашева качественные прилагательные-эпитеты (определятельные слова) часто занимают первую (по отношению к определяемому слову) позицию. Такой прием используется автором для выделения того или иного свойства, признака характеризуемого объекта, предмета или явления. Например:

*«Кзыщыхуахьым из бокалыр,
Гуауэр лэпыхуац»* (Куашев, 1958, с. 365). /
Когда преподнесли ему наполненный бокал,
Отпустил горе.

Приведем другие примеры из поэмы «Нох» («Нэху»), которая полностью построена на инверсионных оборотах:

*«Пицлэу хьэблэхьэхэр ежауэ
Куэбжэм гур кзэсац...»* (Куашев, 1996, с. 257). /
Воющими уличными собаками окруженная,
К воротам арба подъехала...

*«Бгъуэ щхьэгъубжэхэм я абджым
Дыгъэм нур патъж»* (Куашев, 1996, с. 268). /
Широких окон стекла
Солнцу свет возвращают.

Переводы не передают реальной картины индивидуального мастерского владения Б. Куашева рассматриваемым приемом, но носители кабардино-черкесского языка способны прочувствовать и подтвердить уникальность инверсионного синтаксиса поэта.

Во многих случаях необходимость применения инверсии диктуется спецификой метрико-рифмовочной организации текста. При этом подобное целенаправленное нарушение порядка слов не снижает уровень художественности текста, а, напротив, подчеркивает его оригинальность. В следующем примере из указанной поэмы «Нох» инверсия сохраняет стихотворный размер, которым написано все произведение:

*«Большевикхэр, шэч хэлъыжккъым,
Захуэ гъуэгу техьац»* (Куашев, 1996, с. 266). /
Большевики, нет уже в том сомнений,
На истинный путь вступили.

U U / – U / – U / – U
U U / – U / –

Как видно на схеме, фрагмент написан хореем (как и вся поэма). При прямом порядке слов – «*Большевикхэр, шэч хэлъыжккъым, / Гъуэгу захуэ техьац*» – «Большевики, нет уже в том сомнений, / **На путь истинный** вступили» – наблюдается разрушение размера:

U U / – U / – U / – U
U – U U –

При таком раскладе во второй строке выстраивается неоднозначная схема, которая может быть интерпретирована по-разному: 1) одна стопа ямба + неидентифицированная (по причине наличия пиррихия на одном из двух слогов) стопа + одна неполная стопа хорей; 2) две стопы амфибрахия (вторая стопа неполная). Таким образом, подтверждается значимая роль инверсии в определении размера стиха.

В следующем примере функция инверсии направлена на выстраивание и поддержание рифмы:

*«Гуартэ цызиц бжыфлауэ тафэр,
Губгъуэр – бэв амбарц,
Бэм и пшынэм квокл флы къафэр,
Ер флэмышьымларц»* (Куашев, 1996, с. 267). /
Большими стадами наполнена благодатная равнина,
Поле – **изобилия амбар**,
Из народной гармонии льется **добра мелодия**,
На зло не обращает внимания.

В приведенной иллюстрации, как нами выделено, присутствуют два инверсионных оборота – «*бэв амбар*» / «изобилия амбар» и «*флы къафэр*» / «добра мелодия», – принимающие участие в образовании рифм: *бэв амбар* ↔ *флэмышьымлар*, *тафэр* ↔ *флы къафэр*.

Таким образом, «на сегодняшний день в адыгской поэзии нет равных Б. Куашеву в применении рассмотренного приема. При этом поэт не только переставлял слова в предложении, нарушая законы синтаксиса, но и создавал уникальную ритмику» (Хавжокова, Бейтуганова, 2020, с. 299).

В целом, поэтическое наследие Б. Куашева отличается богатой образной системой, которая, как отмечено многими исследователями и как подтверждается произведениями поэта, носит тавро индивидуального художественного мастерства и таланта их создателя. «Почерк Куашева (язык, образ), – писал Х. Г. Кармоков, – невозможно спутать с чем-либо другим, язык его поэзии узнаваем даже одной строкой – где бы ни встретили эту строку, можно догадаться о том, что это есть творение Куашева» (Кармоков, 1996, с. 289).

Намного раньше авторскую маркированность стихов и поэм Б. Куашева отмечал исследователь его творчества З. М. Налоев: «Образы Куашева сильны тем, что они носят новаторский характер, который невозможно создать, не будучи Беталом Куашевым, – писал он. – Такие оригинальные образы свойственны творчеству лишь высокопрофессиональных художников слова. <...> Поэзия Куашева изобилует удивительными образами, которые мог создать только этот поэт» (Налоев, 1958, с. 30-31).

Особенной палитрой изобразительных средств отличается пейзажная лирика Б. Куашева. В своих стихах и поэмах поэт словами рисовал прекрасные картины природы, которые часто перекликались с сюжетом или настроением лирического героя. Приведем несколько примеров из разных произведений: «Унэ кхъахэм зэпхив лугъуэу / Гъуэзыр цылым кыхых...» (Куашев, 1996, с. 255). / «Словно дым из [трубы] обветшалого дома, / Пар из земли исходит...»; «Плгыр дыкгауэ пагэу сынхэр / Кхгэм сатырхэу итц...» (Куашев, 1996, с. 255). / «Словно продрогшие сторожа, памятники гордо / На кладбище выстроились в ряд...»; «Хъэджафэжъуэ укъуеуэу / Шпыр гулэжъуэ цылыц...» (Куашев, 1996, с. 255). / «Словно борзая собака, облезлая / Земля в глубоком горе пребывает»; «Унэ пхашэхэр цывынэц...» (Куашев, 1996, с. 256). / «Кособокие дома – словно жучьи глазки» и др.

Поэтический язык Б. Куашева насыщен богатыми рифмами и поддерживающими их аллитеративными конструкциями. Приведем пример:

*«Уэсыр квос сыпэмьлэщу,
Уэсыр сысьмей,
Сэ си гуцхэмклэ уи квэсыр
Хамэщ. Сыхуэмей»* (Куашев, 1996, с. 67). /
Снег идет, я не в силах противостоять ему,
Снег – это не мое,
Для меня твое прибытие –
Чужое. Не желаю.

Подобное мастерское владение родным языком, его средствами и приемами обеспечило произведениям Б. Куашева особую фонику и мелодичную ритмику.

Заключение

Исследование, проведенное в статье, привело к следующим выводам и заключениям:

- поэтическое творчество Б. Куашева вывело адыгскую (кабардино-черкесскую) поэзию на новый – профессионально-литературный уровень развития, разрушив традиции фольклора;
- новаторские средства и приемы, введенные поэтом в художественный и научный обиход, стали новой ступенью на пути к усовершенствованию языка и поэтики национальной поэзии;
- посредством использования инверсии Б. Куашев открыл новые возможности обогащения и эволюции языка адыгской поэзии.

Перспективы дальнейшего исследования состоят в изучении проблем поэтического наследия Б. Куашева с акцентированием внимания на поэтике его произведений и индивидуально-авторском стиле поэта в контексте северокавказского и общероссийского литературного процесса.

Источники | References

1. Кармоков Х. Г. Наследие поэта / на каб.-черк. яз. // Куашев Б. И. Стихотворения и поэмы. Нальчик: Эльбрус, 1996.
2. Куашев Б. И. Собрание сочинений: в 2-х т. / на каб.-черк. яз. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1958. Т. I / подг. к печ., вступ. ст., коммент. З. М. Налоева.
3. Куашев Б. И. Собрание сочинений: в 2-х т. / на каб.-черк. яз. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1966. Т. II / подг. к печати З. М. Налоева.
4. Куашев Б. И. Стихотворения и поэмы / на каб.-черк. яз. Нальчик: Эльбрус, 1996.
5. Налоев З. М. Богатое наследие. Комментарии / на каб.-черк. яз. // Куашев Б. И. Собрание сочинений: в 2-х т. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1958. Т. I / подг. к печ., вступ. ст., коммент. З. М. Налоева.
6. Налоев З. М. Творчество Бетала Куашева (1920-1957) // Очерки истории кабардинской литературы. Нальчик: Эльбрус, 1968.

7. Хавжокова Л. Б., Бейтуганова Ф. С. Художественные особенности поэзии Бетала Куашева: система образов, идиостиль, поэтика (к 100-летию со дня рождения поэта) // Кавказология: электронный журнал. 2020. № 4. URL: https://kbsu.ru/nauchnye-izdaniya/zhurnal-kavkazologiya/kavkazologija-2020-4_soderzhanie/havzhokova-l-b-bejtuganova-f-s-hudozhestvennye-osobennosti-pojezii-betala-kuasheva-sistema-obrazov-idiostil-pojetika-k-100-letiju-so-dnja-rozhdenija-pojeta/
8. Эстетика // Фундаментальная электронная библиотека. Русская литература и фольклор. 2021. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/30/ma476807.htm?cmd=0&istext=1>

Информация об авторах | Author information

RU**Хавжокова Людмила Борисовна¹**, к. филол. н.**Бейтуганова Фатимат Сафаровна²**¹ Институт гуманитарных исследований –

филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения

«Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»» (ИГИ КБНЦ РАН), г. Нальчик

² Научно-образовательный центр Кабардино-Балкарского научного центра РАН (НОЦ КБНЦ РАН), г. Нальчик**EN****Khavzhokova Lyudmila Borisovna¹**, PhD**Bejtuganova Fatimat Safarovna²**¹ Institute for the Humanities Research –

affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment “Federal Scientific Center

«Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), Nalchik

² Scientific and Educational Center of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (SEC KBSC RAS), Nalchik¹ lyudmila-havzhokova.86@mail.ru, ² bejtfatima@gmail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 31.08.2021; опубликовано (published): 29.10.2021.

Ключевые слова (keywords): Бетал Куашев; кабардинская поэзия; лирика; лиро-эпика; поэтика; Betal Kuashev; Kabardian poetry; lyrics; lyrical epic; poetics.